
ЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ Ж. К. АЙДАРОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Н. Ж. Айдаров

Аннотация: В статье представлены архивные материалы музыканта Ж. К. Айдарова, участника первого исполнения в блокадном Ленинграде Симфонии № 7 Д. Д. Шостаковича. Освещается процесс подготовки легендарной премьеры 9 августа 1942 г., работа с дирижером К. И. Элиасбергом, быт и творческая жизнь оркестра Радиокомитета.

Ключевые слова: Симфония № 7; Д. Д. Шостакович; К. И. Элиасберг; блокада; письма.

JAVDET AIDAROV'S PERSONAL DOCUMENTS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF BESIEGED LENINGRAD

Summary: The article represents the materials from the archive musician of Jevdet Aidarov, a participant of the first performance of Dmitri Shostakovich's Seventh Symphony in besieged Leningrad. These materials elucidate the process of preparing the legendary première that took place on August 9, 1942, the musicians' collaboration with the conductor Karl Eliasberg, the everyday life and creative work of the Radio Committee Orchestra.

Keywords: Symphony № 7; Dmitri Shostakovich; Karl Eliasberg; the siege of Leningrad; letters.

«Каждый раз по пути в Ленинград на очередную годовщину исполнения Седьмой симфонии я невольно задумываюсь: “Боже! Неужели это было? Неужели истерзанные войной и голодом мы были способны достойно воспроизвести партитуру сложнейшего произведения?” Но, придя в белоколонный Большой зал филармонии, увидев там портреты Шостаковича и дирижера Элиасберга, обняв, увы, немногих коллег, уже не сомневаешься – было» [1, с. 42].

Приведенные строки, произнесенные Жавдетом Караматуловичем Айдаровым (1918–2000) во время одной из встреч со студентами⁴, воскрешали

⁴ В 1951 г. Ж. К. Айдаров закончил дирижерско-хоровое отделение Ленинградской консерватории, был дирижером Оркестра народных инструментов Читинского радиокомитета (1951–1952), художественным руководителем рабочей хоровой капеллы Ижорского завода (1954–1958), хормейстером карельского ансамбля «Кантеле» и главным хормейстером декады Карельского искусства в Москве (1958–1959), художественным руководителем ансамбля песни и танца Татарской республики (1959–1965), доцентом кафедры народных инструментов Казанской консерватории (1965–1975), директором Специальной музыкальной школы при Казанской консерватории (1969–1973), преподавателем Казанского музыкального училища (1975–1998).

в его памяти эпизоды блокадной эпопеи. Ему было трудно возвращаться к этой теме – невыразимо тяжелыми оказались пройденные испытания, – и все же он считал своим долгом рассказывать о подвиге ленинградцев – деятелей искусства, о легендарном городе-фронте, об исполнении Симфонии № 7 Д. Д. Шостаковича...

Великая Отечественная война застаёт Ж. К. Айдарова рядовым музыкантом на армейской службе в Образцовом оркестре Ленинградского военного округа. Он, как и все оставшиеся в городе, встает на его защиту: строит укрепления, становится членом МПВО (местной противовоздушной обороны), экспедитором. В письме к матери от 16 июля 1941 г. он пишет: «После объявления войны работаем как комендантская команда. Насчет отправки на фронт ничего не слышно пока» [2, с. 51]. Эта тема так и останется открытой – его не отправят на передовую, он станет «бойцом музыкального фронта».

В сохранившихся письмах Ж. К. Айдарова к родным почти всегда встречаются фразы «все в порядке», «жив и здоров», тогда как в реальности дела обстоят критически. Разумеется, в письмах из блокадного Ленинграда находим только воодушевляющие слова, самые общие сведения о жизни города, ибо вся корреспонденция проходит контроль военной цензуры. В этом отношении поразительна одна из прорвавшихся фраз в письме от 15 мая 1942 г.: «В Ленинграде идет почти нормальная жизнь, ходят трамваи, работают радио, телефоны. Вчера и сегодня был большой артиллерийский обстрел города». Страшные происшествия стали уже обыденностью. О многом музыкант будет молчать и поведает уже после окончания войны.

Из писем блокадных лет к отцу К. А. Айдарову и матери Л. Д. Динмухаметовой.

11 декабря 1941 г. «Мама. Я тебя еще попрошу выслать мне денег, мне нужно выкупить фотокарточки, которые я тебе могу послать. Деньги ужасно быстро расходуются. Ничего, мама, я расплачусь после войны, если буду жив и здоров. Пока что получаю 10 рублей, которые уходят в фонд обороны. Твое письмо получил, которое шло ровно два месяца и шесть дней».

17 января 1942 г. «Дорогая Мама! От тебя недавно получил письмо, на которое уже ответил. <...> Я сам пока жив и здоров. В каком положении находится Ленинград, ты наверно знаешь из газет».

5 февраля 1942 г. «Как, мама, я по тебе соскучился и как хочется видеть тебя, если бы я увидел тебя и поцеловал, я бы был самый счастливый

человек на Земле. Я теперь убедился, что мать – это самое близкое и самое родное существо у человека, и тот самый счастливый человек, который имеет мать, не считая, какая она не есть».

11 февраля 1942 г. «Сегодня у нас радостный день, почти праздник: сегодня прибавили хлеба двести граммов, итого мы теперь получаем шестьсот грамм. Я просто хотел поделиться моей радостью с тобой. Сегодня позавтракал с двумястами граммами хлеба, набил полный рот хлеба и ощущал, что я ем хлеб. <...> В Ленинграде жизнь налаживается, к первому марта, думаю, что Ленинград будут обеспечивать продовольствием вполне нормально».

17 февраля 1942 г. «Я сам пока жив и здоров, себя начал чувствовать немножко лучше, но некоторая слабость организма еще осталась, тяжело с ногами, очень трудно ходить и ноги быстро устают, это, конечно, от недостатка жиров в организме. Надеемся на лучшее, когда будут выдавать больше жиров. Теперь я убедился, что никакой роскоши для Человека не нужно, что самое ценное – это питание. Теперь если буду я жив и здоров и жизнь будет такой же хорошей, как до войны, то буду все свои деньги, все-все-все тратить на питание».

7 мая 1942 г. «Праздничные дни в Ленинграде для меня прошли почти незаметно, даже праздничного настроения не было. Не знаю, почему это так, возможно, что это, может, и от погоды, хотя погода 1-го числа была изумительной, был солнечный теплый день, хотя вчера, то есть 6-го мая, опять шел снег и сегодня чертовски холодно, или это меня кровь не греет, или это осадок голодной блокады. Как хочется теперь быть где-нибудь на юге, где тепло. <...> Я по-старому нахожусь все на старом месте, но, будучи музыкантом, очень мало приходится заниматься по своей специальности. Работаю все время экспедитором. Сейчас, как пошли трамваи, стало легче для ног: не так уж устаешь и меньше приходится ходить».

15 мая 1942 г. «Я пока жив и здоров, но в эти дни чувствую некоторую усталость, особенно устают ноги, наверное, следствие нехватки жиров. Но ничего, скорее бы кончилась война; тогда я бы приехал к тебе и мы вместе копали огород и сажали овощи, в общем, наготовили бы столько продовольствия на зиму, что нам бы хватило до следующего урожая овощей. Купили бы рису, круп разных. Ты бы варила плов. О, как хочется попробовать плов, разные каши, я бы работал, в общем, голодные не сидели. Но, кажется, я размечтался о дальнейшей жизни, надо выйти из войны живым и невредимым, тогда все остальное будет».

27 мая 1942 г. «Дорогой Отец! Поздравляю с наступающим праздником первого мая. Может быть, это письмо дойдет как раз к этому сроку. Я пока жив и здоров, чувствую себя неплохо. В Ленинграде с 15 апреля заходили трамваи, пока еще не все маршруты, но все же они охватывают всю центральную часть города. После длительного перерыва трамвайного движения, когда я услышал визг трамвайных колес, охватило радостное чувство и показалось, что город проснулся после долгого сна. Ленинград приводится в порядок, везде наводят чистоту в домах, во дворах и на улицах и площадях».

Январь 1944 г. «Спешу написать тебе радость всех Ленинградцев с их освобождением от вражеской блокады, в которой Ленинград находился 15 месяцев. Когда сообщили о прорыве блокады, то не было конца ликования Ленинградцев. Люди плакали от радости, целовали друг друга» [3, с. 52–57].

Летом 1942 г. происходит знаменательное событие в его жизни. По радио объявляют призыв в оркестр Радиокomiteта для подготовки премьеры Симфонии № 7 Д. Д. Шостаковича под управлением К. И. Элиасберга. Ж. К. Айдаров, как и его друзья-соратники по военному оркестру, получает командировочную расписку и поступает «в распоряжение начальника Радиокomiteта». Начинается сложный этап подготовки премьеры симфонии.

Особую ценность представляет недавно обнаруженное в личном архиве нашей семьи интервью Ж. К. Айдарова, состоявшееся в середине 1980-х годов. (Публикуется впервые.)

Корр. Как фронтовая дорога привела вас в оркестр К. И. Элиасберга?

Ж. К. Знакомство с К. И. Элиасбергом произошло в 1939 г. на Ленинградском радио. В том году был создан Малый симфонический оркестр, который состоял целиком из артистов оркестра Театра оперы и балета им. С. М. Кирова, которым управлял дирижер С. О. Брэг. Оркестр еженедельно исполнял легкую музыку, классические оперетты и т. д. Видимо, меня заметили на радио, и однажды инспектор Большого симфонического оркестра – Алексей Романович Прессер – пригласил для участия в исполнении Фантастической симфонии Г. Берлиоза (в партии вторых литавр в IV части). На репетиции симфонии состоялось мое первое знакомство с К. И. Элиасбергом.

В 1940 г. я был призван на действительную службу в РККА в Образцовый оркестр Ленинградского военного округа. Когда началась война, как вы знаете, многие творческие организации и театры были эвакуированы. В городе остались только на радио Большой симфонический оркестр, Театр

музыкальной комедии и Театр им. М. Горького. В 1942 г., когда само-летом доставили в Ленинград партитуру 7 симфонии Шостаковича, в БСО осталось очень мало музыкантов. Многие умерли от голода, другие еле держались на ногах, если и играли, то только какие-нибудь маленькие ансамбли, а целиком исполнять большие симфонические полотна не могли. Возник вопрос, как исполнить симфонию? Тогда было принято решение собрать музыкантов из военных частей. Таким образом, и я был откомандирован вместе с моими товарищами из Образцового оркестра Ленинградского военного округа. Так произошла моя встреча уже в годы блокады с Элиасбергом, которая потом перешла в большую дружбу до самой кончины Карла Ильича. Он дважды приезжал в Казань, гостил у меня.

Корр. Как проходили репетиции?

Ж. К. Было очень голодно, холодно. Люди обессилены. Почти все музыканты жили в здании радиокомитета на казарменном положении. Все были солдатами МПВО. Во время налетов авиации дежурили на крышах и тушили зажигательные бомбы. Репетировали в день 3 раза. Репетировать подряд 3–4 часа не было сил. Губы у духовиков, руки у музыкантов плохо подчинялись музыке. Репетировали в 3 приема понемногу. Но К. И. Элиасберг – дирижер требовательный, строгий, хотя сам тоже обессиленный, похожий на вопросительный знак – умел добиваться чистого звучания и верного интонирования.

Корр. Какова реакция ленинградцев, слушавших симфонию?

Ж. К. Реакция самая радостная. Исполнение 7 симфонии для ленинградцев означало победу, означало мужество, торжество. После появления афиш билеты были быстро распроданы. В зале много было военных, рабочих Кировского завода, много интеллигенции, знаменитые писатели. После исполнения слушатели устроили овации дирижеру и оркестру, маленькая девочка преподнесла К. И. Элиасбергу букетик цветов. Об исполнении 9 августа 1942 г. 7 симфонии Шостаковича художественно убедительно писали Алексей Толстой, Николай Тихонов, Ольга Берггольц, Евгений Петров.

Хочу вам рассказать об одном важном факте, о котором я узнал лишь недавно. В 1982 г. в сентябре я был приглашен в Ленинград на встречу по случаю 40-летия первого исполнения 7 симфонии Шостаковича. Не буду говорить о радостных встречах, полных слез. Здесь нас, музыкантов, познакомили с группой воинов-артиллеристов. Мы не знали о приказе командующего Ленинградским фронтом – обеспечить 80 минут тишины для исполнения произведения. Артиллеристы до начала концерта подавили вражеские батареи, а авиация дежурила, не допуская вражеские самолеты

на Ленинградское небо. Воины Советской армии приложили свое мастерство, чтобы прозвучало новое произведение, посвященное мужеству ленинградцев.

Вот этот факт сам по себе уже говорит о значимости 7 симфонии Шостаковича.

Корр. Чем вы объясните, что 7 симфония Д. Д. Шостаковича так быстро обошла мир?

Ж. К. Мне кажется, как я понимаю, Д. Д. Шостакович жил событиями страны, переживал все вместе с народом. В его гениальной симфонии переданы в I части и радость мирной жизни, и трагедия войны; все выражено с большой художественной убедительностью [4].

Ж. К. Айдаров трепетно относился к выдающемуся дирижеру К. И. Элиасбергу, который в критический момент спас ему жизнь. Это был, пожалуй, один из самых ярких, драматических эпизодов блокадной эпопеи, навсегда врезавшихся в память Жавдета Караматуловича:

«Во время одной репетиции я голодный, обессиленный, упал в обморок. Очевидно, меня приняли умершим и отнесли в соседнюю со студией комнату (туда относили умерших).

Элиасбергу сообщили, что я умер, и он зашел в комнату, где я лежал без признаков жизни. Вдруг чуткое ухо дирижера уловило еще слышимый звук дыхания. “Да ведь он жив! – воскликнул Карл Ильич. – Слышите, – он дышит!”» [2, с. 51.]

Юного ударника вернули в строй. Дополнительный кусочек хлеба дал ему силы. Он остался среди оркестрантов и впоследствии принял участие в премьеры Симфонии № 7.

И в дальнейшем, уже после окончания Великой Отечественной войны, Ж. К. Айдаров бескорыстно продолжал служить родному искусству, многие силы отдал педагогической работе, стал известным деятелем культуры Поволжья. Он всегда оставался истинным интеллигентом, для которого высокие нравственные принципы были неотъемлемой частью всей жизни, важной составляющей облика музыканта-профессионала.

В заключении одного из выступлений перед молодыми музыкантами Ж. К. Айдаров сказал:

«Мне часто задают вопрос: “Как Вы исполняли Седьмую симфонию Шостаковича? Вы же были все обессиленные?” С тех пор прошло более 40 лет. Естественно, многие детали стерлись из памяти. Но одно незабываемо: чувство радости от того, что наш симфонический оркестр живет, что слушать нас пришли Ленинградцы – самые стойкие люди страны, –

и чувство ненависти к фашизму. Эти два чувства наполняли нас несказанной силой. Скажу со всей ответственностью, что мы играли неплохо. Симфония звучала убедительно. Всем известна истина: судьба произведения, его будущее – в руках исполнителей. Мы донесли до слушателей изумительное содержание симфонии Шостаковича. <...>

Из пережитого делаю один вывод: велика сила музыки. Она объединяет людей, она поднимает людей на подвиг. Если бы мне предложили заново начать жить, заново выбрать себе профессию, я остался бы верен музыке. Стал бы музыкантом, но приложил бы все свои способности быть еще лучшим» [1, с. 48].

Имя Ж. К. Айдарова навсегда осталось связано с городом на Неве. Он стал ленинградцем, потому что это звание дается не только по месту рождения, но и по степени включенности в духовный контекст города. В служении музыке он нашел свое призвание. И этот путь оказался для него спасительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айдаров, Н. Ж.* Служение музыке: страницы воспоминаний Ж. К. Айдарова / *Н. Ж. Айдаров* // Musicus. 2012. № 1 (29). – С. 42–48.
2. *Айдаров, Н. Ж.* Боец музыкального фронта // Дилетант, 2022, № 081, сентябрь. – С. 50–53.
3. *Айдаров, Н. Ж.* Блокадная эпопея Ж. К. Айдарова: письма из города-фронта / *Н. Ж. Айдаров* // Musicus, 2015, № 3 (43). – С. 50–57.
4. Интервью Ж. К. Айдарова. Рукопись. // Личный архив Н. Ж. Айдарова.